

 **удачный
детектив**

Не пугай **ЕЖА** **ГОЛЫМ** задом

**Михаил
Серегин**

уДачный детектив

Михаил Серегин

Не пугай ежа голым задом

«Научная книга»

2008

Серегин М. Г.

Не пугай ежа голым задом / М. Г. Серегин — «Научная книга», 2008 — (уДачный детектив)

Жили не тужили, и нате вам! Клятвенно обещал бизнесмен Кряков устроить рядом с садовыми участками райский уголок. Ключнули на его посулы садоводы, разрешили распоряжаться близлежащей территорией. И жизнь вместо рая превратилась в ад. Тут вам и шумная компания, не дающая садоводам спать по ночам, и любители пейнтбола, пачкающие краской их дома, и члены клуба nudists, оккупировавшие озеро. Всем им Кряков сдал на лето кому лес, кому дачу. И теперь горят дачники яростным желанием покончить с этой напастью. Но как? Хитроумные супруги Саша и Маша все мозги сломали, пока не нашли выход. Выход неожиданный...

© Серегин М. Г., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Глава 1. МАША. РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	5
Глава 2. САША. А ВЕДЬ Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ!	10
Глава 3. МАША. БЕДА ХОДИТ НЕ ОДНА, А С ДЕТКАМИ	15
Глава 4. САША. СОМНИТЕЛЬНЫЕ БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ	18
Глава 5. МАША. НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ	22
Глава 6. САША. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД НАМИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	25
Глава 7. МАША. АД КРОМЕШНЫЙ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ДАЧНОМ КООПЕРАТИВЕ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил СЕРЕГИН

НЕ ПУГАЙ ЕЖА ГОЛЫМ ЗАДОМ

Глава 1. МАША. РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

– Как упоительны в России вечера!.. – с чувством, проникновенно выводил своим козлетоном наш сосед по даче справа Сергей Сергеевич Богданов.

Ни слуха, ни голоса у него не было, так ведь давно известно, что больше всех любят петь именно те люди, у которых нет к этому никаких способностей. А вообще-то, человек он был неплохой, хотя и не бедный – сочетание в наше время крайне редкое, но все-таки иногда встречается. Жил он на своей зимней даче постоянно с гражданской женой Ларисой, которая сейчас отсутствовала – уехала навестить родственников в Саратове, так что настроение у него было печальное.

Богданову не менее «благозвучно» и во весь свой командирский голос вторил наш сосед слева Виктор Петрович Афонин, подполковник в отставке, который в силу бывлой профессии сбивался, правда, на маршевый ритм, а ему, в свою очередь, подвывала в буквальном смысле этого слова его собака со странной кличкой Тереза (это Афонин ее так назвал в честь бросившей его жены), но мы с мужем именовали ее за сволочной характер Заразой, а его самого Куркулем, к чему имелись самые веские основания – прижимист он был без меры. Человек он был весьма своеобразный, нрав имел крутой, за словом, порой и непечатным, в карман не лез, но при этом всегда был готов прийти на помощь. Он тоже постоянно жил на даче и хозяйство свое организовал всем на зависть – у него ни один квадратный сантиметр земли не простаивал, а все было организовано крепко, основательно, были даже кролики, мясом и шкуркой которых он торговал, и куры, и не только потому, что он считал домашние яйца более полезными, но и, что было для него куда важнее, дешевыми.

Мой муж Александр, хотя и голос у него был приятный, и музыкальным слухом его Бог не обделил, в этом хоре не участвовал, и совершенно ясно почему – он молчал, потому что перекрыть это, с позволения сказать, «пение» ему было не по силам, тут бы и пожарная сирена стыдливо смолкла. А я сидела и от души, но втихомолку веселилась, глядя на этот дуэт, а если считать еще и Заразу, то на трио.

Собрались же мы у нас на даче по архиважному поводу: обмывали беседку, которую Саша, не без помощи, конечно, рабочих, наконец-то соорудил – достала-таки я его. Раньше наши застолья проходили за простым деревянным столом под яблоней, который еще мой папа поставил, но, поскольку мы вот уже много лет весь дачный сезон практически безвылазно проводим на даче, я все это время пилила мужа насчет беседки, где мы могли бы и в дождь культурно посидеть, а не метаться между домом и столом, едва начнет накрапывать. В дальнейшем я планировала пустить по ее периметру какое-нибудь вьющееся растение или хотя бы дикий виноград, но нам и сейчас без всего этого было там вполне уютно. На столе красовались фирменные Сашкины шашлыки, точнее, то, что от них осталось, хорошее и очень недешевое вино привез Богданов, а Афонин внес свою традиционную лепту – его соленья славились на весь поселок. И вот теперь, сытые и немного пьяные, мы наслаждались чудным летним вечером, в лесу, что неподалеку, вовсю заливались какие-то птицы, легкий ветерок приятно охлаждал разгоряченные за день тела – жара стояла несусветная, хотя по утрам было довольно свежо, и даже надоедливые кровопийцы-комары не могли испортить нам настроение.

Пока я вот так размышляла, певцы перешли к «Подмосковным вечерам», что было гораздо актуальнее – дачи-то наши находятся как раз в относительно ближнем Подмосковье, в

Боровском районе, всего в двух километрах от деревни Салтыковка, куда мы частенько навещали за продуктами.

Но вот песня кончилась, и я облегченно вздохнула, тем более что Сашка разлил вино и собрался сказать тост. «Интересно, за что же мы сейчас будем пить? – подумала я. – За беседку пили, за тех, кто ее поставил, тоже, за меня, единственную за столом даму, само собой, за будущий урожай – святое дело. Правда, Богданов к этому никакого отношения не имел, огорода у него не было – Лариса в основном разводила цветы, а всем остальным планировала заняться только на будущий год, потому что в этом-то она ничего не сажала из-за того, что слишком поздно у нас здесь появилась, когда уже все сроки были упущены».

– Ну, и за что же мы будем пить? – с интересом спросила я.

– А за нас всех! – торжественно сказал Сашка. – За соседей! Как говорят в народе: «Ближний сосед лучше дальнего родственника!» И это совершенно правильно! Разве же грядки на даче главное? Или то, у кого какой туалет? Нет! Главное – это соседи! То есть мы с вами! Конечно, и у нас бывали всяческие недоразумения, но мы никогда не раздували их до размеров вселенского пожара, а всегда находили компромиссные решения и продолжали жить в дружбе и согласии! Вот я и предлагаю выпить за то, чтобы такие замечательные отношения связывали нас и впредь!

– Эх, хорошо сказал! – чуть ли не прослезился Афонин, а растрогавшийся Богданов полез к Сашке целоваться.

Я же смотрела на мужа и думала: «А ведь действительно хорошо сказал! Повезло мне с мужем! И внешностью взял, и умом, и характером – может, когда надо, и жестким быть! Ему уже тридцать пять, а идешь с ним по улице, так даже сопливые девчонки засматриваются на этого высокого голубоглазого блондина, настоящего викинга, особенно когда он бороду отпускает! И в компании ему все в рот смотрят и ждут, когда он очередную хохмочку выдаст или анекдот! И в профессии он себя нашел! Не скажу, чтобы клиенты к нему в очередь стояли, но от недостатка заказов на проведение экспертиз – он у меня эколог, причем не из последних в Москве! – мы не страдаем! Да и другие интересы у него есть: раньше вот туризмом занимался, а потом краеведением увлекся. Да уж! Муж у меня хоть куда!»

Мы дружно выпили, и Афонин сказал:

– Прав ты, Саня! Недоразумения везде и всегда бывают! Тут действительно главное, как к ним подойти!

– Так мы же все разумные цивилизованные люди! – подхватил Богданов. – Соседей, как и родителей, не выбирают! Нужно уметь сглаживать конфликты и, что самое главное, понимать друг друга!

– За взаимопонимание! – голосом киношного генерала провозгласил Виктор Петрович и снова разлил вино по бокалам. – Оно у нас и сейчас есть, и, даст бог, и дальше будет!

– За наше безоблачное во всех отношениях будущее! – подытожил Сергей Сергеевич.

Не успели мы выпить, как раздался стук в калитку, и мы удивленно переглянулись – мы с мужем никого не ждали, да и к Афонину с Богдановым тоже прийти никто не мог.

– Входите! – не вставая с места, крикнул Сашка и пожал плечами – кого, мол, это нелегкая принесла в такое время?

Да и действительно! Если бы мы кого-нибудь потревожили своим пением, то народ у нас здесь нестеснительный, сразу бы крикнули, чтобы мы заткнулись, но идти к нам сюда выяснять отношения? Нет! У наших так не принято, а значит, это кто-то чужой! И я оказалась права, потому что в открывшуюся калитку на наш участок вошли мужчина и женщина. Пока они направлялись к нам, я успела хорошо их разглядеть. Дамочка была расфуфырена в пух и прах – явно не дачная жительница, тут у нас все попроще одеваются и килограммами макияжа лицо не штукатурят, да и мужчина был тоже мало похож на дачника: в строгом костюме, белой рубашке с галстуком вид он имел самый что ни на есть официальный, – но вот глаза его мне

совершенно не понравились, такие впору темными очками закрывать – уж очень острый и хищный был у него взгляд.

– Присаживайтесь! – пригласил их Сашка.

– Маша! Ты бы принесла бокалы для новых гостей! – попросил меня Богданов, который в состоянии подпития был бесконечно добродушен и любил весь окружающий мир без исключения.

– Спасибо, но мы по делу! – отказалась женщина и принялась раздавать нам свои визитки.

– Елена Леонидовна Артамонова, заместитель главы администрации Боровского района, – прочитала я вслух.

– А я Александр Викторович Кряков, владелец фирмы «Забава», – представился мужчина и тоже раздал нам свои визитные карточки. – Моя фирма занимается организацией досуга и отдыха... – начал он, но его перебил крепко выпивший Виктор Петрович.

– По нынешним временам это просто прикрытие публичных домов, – авторитетно заявил он.

– Ну что вы! – ничуть не обидевшись, воскликнул Кряков. – Ничего подобного! Все в строгом соответствии с законом! Да вы и проверить можете, если хотите! Меня в Боровске все знают! У меня риелторская контора, несколько кафе и развлекательных клубов! Да и дискотека для молодежи имеется! Пусть уж подростки свой досуг культурно проводят! Все же лучше, чем по подворотням и подъездам дурь курить или еще чего хуже!

– Что же привело вас сюда? – спросила я.

– Видите ли, – начала Артамонова, – я по долгу службы нахожусь в курсе всех проблем дачников.

– А у нас никаких проблем нет! – возразил Сашка.

– Да-да! Я знаю, что благодаря некоему спонсору... – начала было она, но я перебила ее:

– Можете с ним лично познакомиться! Вот он, Сергей Сергеевич Богданов! Именно благодаря ему у нас на дачах и туалеты с ванными комнатами, и газ, и электроснабжение бесперебойное! Да и дорога к нам теперь проложена хорошая! Какие же у нас могут быть проблемы?

Некоторое время она в замешательстве помолчала, а потом нашлась:

– А неорганизованные отдыхающие? Те, кто приезжает сюда на рыбалку или просто провести время на природе? Вы же будете возражать, что после них остаются горы мусора? А эти костры, которые они разводят? Ведь при неосторожном обращении с огнем и пожар может вспыхнуть?

Тут нам крыть было нечем, потому что толпы туристов были нашей непроходящей головной болью, они действительно частенько наведывались сюда, и то, что после них оставалось, нельзя было назвать даже свинством, чтобы не оскорблять животных.

– Как же вы собираетесь решить эту проблему? – с интересом спросил Афонин.

И его вполне можно было понять, потому что пожар стал бы для него катастрофой – у него же не было другого жилья, кроме дачи. Богданову-то что! Он вполне мог бы купить себе квартиру в городе, что и собирался со временем сделать, а пока все деньги вкладывал в бизнес, а вот у Виктора Петровича таких средств не было!

– С помощью Александра Викторовича, – тут же ответила она.

– Причем вашему садоводческому товариществу это не будет стоить ни копейки! – заверил нас Кряков. – Вы еще и в выигрыше останетесь!

– А поподробнее можно? – спросил Сашка. – А то, знаете ли, бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

– Как можно! – слегка оскорбился Кряков и попросил: – Вы посуду на столе не отодвигайте? – А сам тем временем достал из портфеля сложенный в несколько раз лист ватмана.

Заинтересовавшись, мы быстро переставили тарелки с бокалами и все прочее, освободив ему место, где он этот лист и разложил, а потом принялся пояснять:

– Вот это территория вашего кооператива. Она огорожена забором, и есть даже ворота со сторожкой. За эти пределы мы ни в коем случае не будем переступать. Но вот прилегающую территорию, то есть лес и часть берега, мы облагородим. Мы обнесем это место колючей проволокой, поставим свои ворота, и въезд туда будет только платный.

– А!.. – начал было Афонин, и Кряков, с ходу поняв его, поспешно заверил:

– Для членов вашего товарищества он будет бесплатный! – После чего продолжил: – Мы уберем оттуда весь мусор... Кстати, я думаю, вы не будете против, если на вашей территории он тоже будет убран?

– А то! – обрадовался Виктор Петрович.

– Вот и замечательно! – улыбнулся ему Кряков. – Там мы откроем магазин и летнее кафе, что, наверное, и вам понравится, потому что не придется в деревню ездить.

– А главное, в вашем поселке вы больше не увидите посторонних людей! Никаких вам бомжей и прочего асоциального элемента! – закончила Артамонова. – На уровне местной власти все уже решено, и мы готовы передать господину Крякову на летний период в пользование прилегающую к вашему дачному поселку местность для организованного отдыха и развлечения столичной публики. Теперь остается только получить согласие вашего кооператива.

– Предлагаете нам поменять шило на швайку? – совсем недипломатично поинтересовался Богданов. – Одних столичных лоботрясов на других? Какая нам разница?

– Ну что вы? – всплеснул руками Кряков. – Какие лоботрясы? Исключительно семейный и корпоративный отдых. Люди не с улицы, а солидные, спокойные! Они ведь тоже хотят провести время на природе, но в культурной обстановке! Тем более что на вашей территории они и не появятся! – принялся увещевать нас он.

– Да вы посмотрите только, сколько дач мы уже обошли! – вступила Артамонова и продемонстрировала нам лист бумаги, испещренный подписями. – Большинство людей только «за». Они же хотят, чтобы здесь наконец-то навели порядок, перестали шлаться чужие люди и закончилось нескончаемое нашествие бомжей.

– Мне эта идея не нравится! – решительно заявил Сашка и обратился к нам: – Вы только подумайте! Сначала появятся магазин и кафе, за ними откроют обменник, тут же возникнет стихийный рынок, где деревенские будут продавать свои продукты... И что в результате? А то, что толпы отдыхающих испаскуют нам природу, ради которой мы сюда и ездим... Нет, я не согласен!

– Ну, ты как хочешь, а я не против, – подумав, сказал Афонин. – Я тут прикинул, сколько трачу на бензин, чтобы в деревню съездить, и решил, что покупать все это прямо у себя под носом будет гораздо выгоднее. Так что я «за»!

– Вообще-то, бомжи мне и самому поперек горла стоят, – заметил Богданов.

– Наверное, я тоже соглашусь, – сказала я и повернулась к мужу: – Можно будет и в кафе вечером сходить, чтобы посидеть в цивилизованной обстановке, потому что до туристического центра на другом берегу озера все-таки далековато, а тут совсем рядом. Не все же мне возле плиты торчать, пока ты на своей рыбалке пропадаешь!

Вообще-то, туристический центр на озере принадлежал Богданову, но он никогда не пустовал, а раз потеря нескольких посетителей его ресторана не слишком расстроила самого Сергея Сергеевича, которого, как оказалось, гораздо больше волновали бомжи, то и мне не приходилось стесняться.

– Кстати, о рыбалке! – спохватился Кряков. – Совсем забыл! Я же озеро почищу и пляж культурный, песчаный отсыплю!

– Спасибо, но меня устраивает все как есть, – неприязненно заметил Сашка, укоризненно посмотрев на меня, словно хотел сказать: «Что же ты меня не поддержала? Эх ты!»

– Ну так что? Будем подписывать? – спросила Артамонова, решив ковать железо пока горячо.

Ища поддержки, Сашка посмотрел на Богданова и Афонию, но те только развели руками, и мой муж понял, что остался со своим «против» в меньшинстве, но решил не сдаваться и попросил:

– Дайте посмотреть, что это за документ!

Кряков охотно протянул ему несколько разрозненных листков бумаги и пояснил:

– Здесь изложены мои планы по организации отдыха и согласие дачников на то, что для этого будет использована прилегающая к их поселку территория.

Сашка взял этот документ, начал читать, а потом попросил Богданова:

– Сергеич! Ты в таких вещах лучше разбираешься, посмотри, что к чему!

Но тот, добродушный от выпитого, только отмахнулся, и Сашке пришлось читать самому, что он и сделал самым внимательным образом, а потом удивленно сказал:

– Так это даже не договор! Это просто протокол о намерениях, которые ни к чему никого не обязывают!

– Тем более не будет ничего страшного, если мы это подпишем, – небрежно ответила я, потому что меня, откровенно говоря, начало раздражать Сашкино занудство.

– Ну, смотри! – сказал мой муж, возвращая бумаги Крякову. – Только не говорите потом, что я вас не предупреждал!

Но наше решение было непоколебимым, и мы – Богданов, Афонию и я – подписали этот документ.

Глава 2. САША. А ВЕДЬ Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ!

«Правильно говорят, что дураков не сеют, не жнут, они сами родятся во множестве!» – с горечью думал я, покидая общее собрание членов нашего садоводческого товарищества, которое состоялось вскоре после визита на нашу дачу этой «сладкой парочки», где Кряков вкупе с Артамоновой обещали дачникам молочные реки с кисельными берегами, а те развесили уши и радостно проголосовали «за». Сколько я ни пытался втолковать им, что они сообща нашли приключение на свою пятую точку, но мой голос оказался гласом вопиющего в пустыне.

– Вот посмотришь, Маруся, чем это закончится! – мрачно пророчествовал я по дороге домой, но не нашел понимания даже у собственной жены, настроенной весьма радужно.

На следующее утро я собрался на рыбалку, надеясь хоть там отдохнуть душой. Картина на озере была прямо-таки идиллическая: солнце еще не раскошегарило свой котел, и легкий ветерок приятно охлаждал кожу, весело пели птички, приветствуя наступление нового дня, воздух был напоен ароматами трав и цветов, а еще неопишущим запахом свежести, который можно почувствовать только возле воды. Я занял свое любимое место, закинул удочки и, любуясь озером, мелкой рябью на поверхности воды и легким шевелением и шорохом тростника и веток на кустах, растущих на берегу, погрузился в блаженное состояние ничем не замутненного покоя, практически релаксации.

Но наслаждался я недолго, потому что мирную тишину этого утра вдруг взорвал рев двигателей. Он был такой оглушительный, что я невольно вскочил на ноги, чтобы посмотреть, что творится. И я увидел то, что можно было назвать только кошунством: к водоему, сдирая протекторами дерн, подъезжал трал, на котором стоял огромный экскаватор. Потом экскаватор съехал на землю, и началось то, что, видимо, Кряков называл чисткой озера. А свелась она к тому, что экскаватор-драглайн своим ковшом вычерпывал со дна ил вместе с рыбой и выбрасывал все это на берег. Взирать на это равнодушно было выше моих сил, и я бросился к рабочим.

– Вы что творите? – орал я, стараясь перекрыть рев мотора. – Немедленно прекратите! Вы же губите озеро!

Работяги, какие-то гастарбайтеры из Средней Азии, то ли плохо знали русский язык, то ли делали вид, что не понимают меня, так что на все свои возмущенные вопли я получил в ответ:

– Моя твоя не понимай! У нас Кряк начальника! Ты с ним говорить!

Причем свою так называемую трудовую деятельность они при этом и не думали прекращать, а еще попутно радостно набивали мешки бьющейся на берегу рыбой. А я стоял и от чувства собственного бессилия прекратить это варварство наливался яростью, которая разорвала бы меня, если бы я периодически не цедил сквозь стиснутые от бешенства зубы такие выражения, какие ни в коем случае не решился бы произнести в публичном месте да еще в присутствии женщин и детей. Но вот трал с экскаватором уехал, а я совсем было собрался облегченно вздохнуть, да не тут-то было! Приехали один за другим несколько самосвалов с песком, который они вывалили прямо поверх ила и водорослей, и работяги начали тут же лопатами растаскивать его по всему берегу – у Крякова это называлось: отсыпать пляж.

Настроение у меня было испорчено вконец, и я, понимая, что не в силах ничего изменить, понуро поплелся в поселок, а там, оказывается, уже полным ходом шла работа. Из лесу доносились громкие голоса строителей, устанавливавших забор из колючей проволоки. Причем говорили они каждый на своем языке, почему-то прекрасно понимая друг друга, и при этом от души пересыпали свою речь таким ядреным русским матом, который не шел ни в какое сравнение с тем, что я недавно выдавал на берегу, – это был просто детский лепет. Не успел я отойти от этого шока, как увидел, что по лесу пробирается, подминая под себя кусты

и молодые деревца, трактор с буром, наверное, для установки опор из асбоцементных труб. Бросаться к нему и вызывать к совести работяги, судя по виду, все из той же Средней Азии, было совершенно бесполезно – плевать им на нашу природу! Они нашли себе хорошую работу и стараются изо всех сил, надеясь, что за нее прилично заплатят.

Ужас, полная безысходность и бессилие сводили меня с ума! Поняв, что нервы у меня на пределе и долго так не выдержу, я, забросив удочки и прочие снасти домой и отмахнувшись на вопрос жены, куда это я собрался, пошел в Салтыковку, где купил блок сигарет, хотя уже давным-давно бросил курить, и бутылку водки. Уже на выходе из магазина я решил, что маловато будет, и взял еще одну бутылку. Идти с ними домой и объясняться с женой у меня не было ни малейшего желания, так что я завернул к Юричу – это наш сторож, человек добрейшей души! Когда-то он работал на оборонном заводе, но потом случилось то, что случилось: оборонка рухнула, и он остался не у дел. Руки у него были золотые, он всегда отзывался на просьбу что-нибудь починить и мог отремонтировать даже то, что по определению не подлежало ремонту, а расплачивались с ним за это «жидкой валютой», потому что был, как он это высокопарно называл, привержен слабости, то есть попросту пил, но норму свою знал, и это воодушевленное состояние, как ни странно, нимало не сказывалось на его способностях, так что было решено считать такое состояние рабочим и не обращать внимания. Предпочитал же Юрич не водку, а какое-нибудь дешевое вино типа портвейна или «Анапы», так что в буквальном смысле этого слова моим собутыльником он быть не мог, но морально поддержал! Кажется, я даже плакал, рассказывая ему о том варварстве, которое видел своими собственными глазами, а он только сочувственно кивал, да мне большего и не требовалось. В результате я осилил только одну бутылку, а вторую забрал домой. Когда же я вернулся на дачу, то прочел в глазах своей жены тако-о-ое, что предпочел ничего не объяснять, а сразу же прошел в комнату для гостей, где рухнул на диван и вырубился. К чести Маруси надо сказать, что она никогда не устраивала разбор полетов, когда я, бывало, приходил домой крепко выпивши, а оставляла это на утро, за что ей великое спасибо.

На следующий день она при виде меня только презрительно поджала губы и отвернулась, молчал и я. Первой не выдержала Маруся и спросила:

– Повод был?

– А ты была на озере, когда из воды вместе с илом и водорослями живую рыбу ковшом на берег выбрасывали? Ты видела, как трал с экскаватором дерн с земли, как шкурку с банана, сдирали? Ты видела, как трактор подминал под себя молодые деревья и кусты, а за ним оставалась такая полоса, что хоть танцуй? – спросил в ответ я.

– И твоя душа эколога не выдержала? – усмехнулась она. – Мало того, что ты нажрался, как свинья – и как только до дома-то добрался? – так ты еще и курить снова начал!

– Тебе, Маруся, надо было выходить замуж за толстокожего мужика, который забойщиком на мясокомбинате работает. Глядишь, со временем и сама бы броней покрылась, – бросил я и, не доев, ушел в сад.

Там я устроился в беседке с сигаретой и твердым решением не выходить за пределы участка, пока это все не закончится. Но меня и там достали! Первым был Афонин.

– Ты представляешь, Саня! – возмущался он. – Пошел я в лес, чтобы моя Тереза могла на свободе побегать да порезвиться, а оказалось, что туда ходу больше нет! Ту тропинку, по которой я обычно ходил, перегородили колючей проволокой! Да и всю землю перепахали так, что пройти невозможно! Что это за дела у нас в кооперативе творятся?

Я спокойно выслушал его гневный монолог, а потом спросил:

– Ты свою подпись ставил? – и сам же ответил: – Ставил! Вот и хлебай полной ложкой!

Не ожидавший такого, Виктор Петрович сначала остоленел, а потом резко встал и сказал:

– Эх, ты! Я к тебе как к человеку пришел, а ты вон как! – и, плюнув с досады, ушел.

Потом к Марусе заглянула соседка, и они так громко разговаривали, что я, даже не вслушиваясь, узнал, что прямо у наших ворот, у сторожки, рабочие уже собирали шатер наподобие тех летних кафе, которые я называл «пивными», что с наступлением тепла устанавливались на каждом свободном месте, там же рядом с давно не работавшей, а оставшейся еще с тех давних времен, когда сотовой связи не существовало, телефонной будкой поставили контейнеры для мусора.

– Ну вот! Начало положено! Дальше шибче будет! – мрачно пообещал я жене, когда соседка ушла.

Маруся мне на это ничего не ответила – холодная война между нами, вызванная моим необоснованным, с ее точки зрения, пьянством, все еще продолжалась, но тут пришла наша соседка из дачи напротив – заботливая бабушка двух непоседливых внуков и, едва войдя в калитку, начала жаловаться:

– Прямо не знаю, что и делать! Эти работяги ругаются так, что хоть святых выноси! Да еще и во весь голос! Уже и мальчишки мои за ними повторять начали! Муж пытался этих негодяев, рабочих то есть, образумить, а они и его послали! – и попросила: – Маша! Может, твой Саша с ними как-то разберется? Он мужчина крупный, сильный! Вдруг они его послушаются?

– Без толку с ними разговаривать! – бросил со своего места я. – Они сделают вид, что не понимают по-русски. Я уже пытался с ними поговорить, так что знаю. Они только Крякова боятся – хозяин все-таки.

– Значит, с ним и поговоришь! – непреклонным тоном велела мне жена, и я обрадовался, что она наконец-то обратила на меня внимание.

Когда и эта соседка, немного успокоенная, ушла, Маруся сказала:

– И действительно, Саша! Я, конечно, не гимназистка, но то, что они выдают, да еще так громко, уже ни в какие ворота не лезет!

– Ты подписывала эту филькину грамоту, вот и получаешь то, о чем я тебя предупреждал, – напомнил я, но, встретив ее разъяренный взгляд, пообещал: – Да поговорю я с Кряковым! Поговорю!

– Мне кажется, ты излишне драматизируешь ситуацию, – снизошла до объяснений жена. – Это все временные трудности! Представь себе, что у нас дома идет ремонт! Вокруг хаос, грязь и пыль, зато потом все будет прекрасно!

– Ага! Рыба оживет! Деревья с кустарником сами собой вернутся на прежнее место, как и дерн, – потихоньку хмыкнул я себе под нос.

Маруся этого, к счастью, не услышала, так что новое обострение нашим слегка потеплевшим семейным отношениям не грозило.

Решив, что Крякова лучше всего будет поймать где-то рядом с рабочими, я отправился его караулить в лес. Если в самом поселке грохот стоял страшный, то в лесу его можно было по звуку сравнить только с массивированной бомбежкой. Одним словом, натерпелся я там досыта, но Крякова таки отловил!

– Александр Викторович! Вы ведаете, что творите? – для начала спросил я.

– А в чем дело? – в свою очередь, высокомерно спросил он.

– Я, видите ли, эколог и пользуюсь в этих кругах определенным весом, – сообщил я. – Так вот! Я был свидетелем того, как нанятые вами работяги... – и дальше я перечислил ему все, что те натворили. – Короче, я собираюсь сообщить об этом в экологическую службу Московской области. А это вам не Боровск, где вы всех с потрохами купили! Штраф вам выставят такой, что мама не горюй, а эту стройку прикроют решением суда. Вы этого хотите?

Он ожег меня очень неприятным взглядом и вынужден был ответить:

– Не очень! А вот чего хотите вы?

– Сделанного не воротишь, но чтобы впредь... – начал я, и он торопливо, наверное, боялся, что я потребую денег в виде отступного, перебил меня.

– Больше этого не повторится! – заверил он.

– Повторяться уже нечему! И так экологический баланс нарушен и восстановится очень нескоро! – невесело усмехнулся я.

– Что-то еще? – без особого энтузиазма спросил Кряков.

– Да! Ваши рабочие ругаются матом так, что просто уши вянут и сами собой в трубочки сворачиваются. А тут ведь женщины... Дети... Объясните им...

– Легко! – охотно согласился он, перебив меня. – Это мы сейчас исправим!

Кряков ушел в лес к строителям, где приказал бригадирам собрать всех работяг, а я остался из любопытства, чтобы узнать, какими методами он собирается убеждать этот интернационал быть вежливым. Через некоторое время, когда, наверное, все собрались, Кряков, а голос у него был зычный, так мне все было отлично слышно, сказал:

– Слушайте внимательно, чтобы потом никто не говорил, что ничего не знает. Итак...

И тут он начал прямо в алфавитном порядке, словно читая по списку, выразительно проносить все матерные выражение, какие только знал, а знал он их, как я понял, немало. Закончил же он словами:

– Так вот! Чтоб ни я, ни кто-нибудь из жителей этого поселка больше от вас этих слов не слышал! Того, кто хоть раз матюкнется, тут же выгоню к чертовой бабушке, и пусть едет к себе назад с кукишем в кармане. Я ясно выразился? Вы все поняли?

Ответом ему был нестройный, но дружный хор голосов, заверявших его, что они все поняли. Как ни странно, но его метод оказался весьма действенным и рабочие больше не ругались, да вот только разговаривать они начали очень своеобразно: повышенный тон-то остался прежним, но вот теперь в их репликах и монологах преобладали паузы – это работяги явно про себя произносили те слова, которые им было категорически запрещено говорить вслух, но от употребления которых они не в силах были отказаться. Так что диалоги получались весьма забавными.

– Фархад! ... мать! Где лежат эти ... кусачки?

– Где-где! В... – следовал ответ.

– Фархад! Я тебя убью к ... матери! Куда ты их на ... дел?

– Их этот ... молдаванин взял!

– Ну, я его сейчас ... Он у меня узнает, как чужие кусачки ...

Немного повеселившись, слушая эти перепалки, я пошел домой, а в голове у меня все продолжал звучать грохот стройки. Он не стих даже тогда, когда я удалился уже на приличное расстояние, и я понял, что он еще долго будет преследовать меня.

– Маруся! Рабочие отныне будут вести себя как институтки Смольного, так что матерные тирады нам больше не грозят, – вернувшись, сообщил я жене.

Мои слова были восприняты умеренно благосклонно, и я понял, что сегодня не буду отлучен от супружеского ложа. Весь остальной день прошел под аккомпанемент грохота, который становился все громче и громче, потому что рабочие трудились уже в непосредственной близости от ограждавшего наш поселок забора, и это начисто исключало какое-либо общение, а то мы бы себе голос сорвали, так что я сидел в беседке, любясь плодами рук своих, а жена била поклоны над грядками – это для нее святое. Наконец, с закатом все затихло, и эта тишина нас просто оглушила.

– Не знаю, как ты, Маруся, а у меня такое ощущение, что на мне весь день воду возили, – признался я жене. – Устал так, что сил нет!

– А у меня голова просто раскаляется, а в ушах по-прежнему стоит этот грохот, – ответила она. – И, как назло, у нас здесь нет никаких обезболивающих таблеток.

– Ничего! Вот посидим в беседке на свежем воздухе, она и пройдет, – обнадежил я ее.

Но спокойный семейный вечер даже в новой беседке не получился. А ведь раньше мы подолгу сидели за столом и специально растягивали ужин, чтобы послушать, как затихает при-

рода, отходя ко сну, и полюбоваться ночным небом. Сегодня же мы наскоро поели и даже грязную посуду не стали заносить в дом, а свалили ее в мойке во дворе, которой продолжали пользоваться, причем не только для того, чтобы вымыть грязные тарелки, несмотря на то что в даче у нас были все удобства, но и для других нужд, потому что одно дело бриться внутри, а совсем другое – в саду, под пение птиц. Да и Маруся тоже любила иногда умыться на свежем воздухе. Не знаю, как жена, а у меня сил хватило только на то, чтобы добрести до кровати, стаскивая на ходу одежду, и упасть на нее.

Глава 3. МАША. БЕДА ХОДИТ НЕ ОДНА, А С ДЕТКАМИ

Ласковое утреннее солнышко заглянуло к нам в окно и разбудило меня. Я сладко-сладко и длинно-длинно потянулась, стараясь не задеть Сашку, который очень чутко спит, и решила немного понежиться, наслаждаясь тишиной, пока она не сменилась шумом стройки. Взглянув на часы, я увидела, что уже довольно поздно, но, поскольку ни Сашке, ни мне нет необходимости каждое утро вскакивать и мчаться на работу к определенному времени, мы никогда рано и не просыпались. И вдруг сквозь полудрему я услышала у нас во дворе чьи-то негромкие голоса. Поудивлявшись, кто бы это мог быть – соседи бы обязательно постучали в дверь, а не таились, как воры, я осторожно встала и выглянула в окно, но ничего не увидела – значит, незваные гости были с другой стороны дома. Я потрогала мужа за плечо – обычно этого достаточно, чтобы разбудить его, но на этот раз он только пробормотал что-то неразборчивое и повернулся на другой бок. «Ладно! – решила я. – Пойду посмотрю сама!» Накинув халат, я вышла на веранду, а оттуда на крыльцо и, оглядев двор, просто остолбенела.

Еще бы мне было не остолбенеть, увидев на своем участке, в собственной беседке парочку уютно устроившихся бомжей, которые тоже явно недавно проснулись. Еще один преспокойно стирал свои носки прямо над раковиной, причем грязная, как сажа, мыльная вода текла на оставшуюся там со вчерашнего дня посуду, а за его спиной стоял его дружан и брился Сашкиным станком, который всегда лежал там на полочке под зеркалом. Тут до меня дошло, *чем* этот мерзавец стирает свои носки, и я заорала как резаная. Да и какая бы другая женщина смогла остаться спокойной, глядя на то, что этот негодяй, этот подлец, этот подонок использует в своих низменных целях мое мыло «Ив Роше», которым я и Сашке-то разрешаю пользоваться только по большим праздникам. И как же это меня угораздило оставить его там? Но кто же мог предположить такое нашествие бомжей на наш участок? Раньше-то они так не нагнали!

Взъерошенный Сашка выскочил из дома как был, то есть в трусах, но вот топор, который постоянно стоит у нас на веранде, прихватить не забыл. При виде этого великана, да еще и вооруженного, бомжи испуганно сжались и застыли на месте. Как ни заспан был мой муж, но он тут же оценил обстановку и, покачивая топором, пошел на этих подлецов.

– А мы чё? А мы ничё! – лепетали они, пятась от него.

– Вы какого черта тут делаете? – грозно спросил Сашка.

– Так мы же не знали, что тут хозяева ночуют, – объяснил один из бомжей. – Мы думали, что дома никого нет, вот и устроились в беседке.

– А вам что, жалко, что ли? – обиженно спросил второй. – Мы просто переночевали и все! Ничего не сломали, не сожгли!

– Если не считать того, что брились моим станком, – язвительно заметил Сашка.

– И стирали свои поганые носки моим французским мылом, – почти со слезами выкрикнула я.

– Это тем, которое ты бережешь как зеницу ока? – уточнил муж, оборачиваясь на меня.

– Вот именно! – выразительно сказала я.

– Значит, так, господа бомжи! – с угрозой сказал Сашка. – Сделайте так, чтобы я вас долго-долго искал и никогда больше не нашел. Иначе говоря, вон отсюда, и чтобы духу вашего здесь больше не было! А если еще раз увижу, то пеняйте на себя! Позвоню участковому и как минимум обещаю вам ночь в обезьяннике!

– А мы больше не бомжи! – гордо заявил один из тех, кто был в беседке. – Мы люди социальные! Пролетариат!

– Ишь ты! Пролетарий! – хмыкнула я.

– Да! Пролетариат! Мы сейчас на Крякова работаем. Он нас нанял вашу же территорию от мусора очистить! Ну и вообще, вокруг прибраться.

– Где же он вас, таких трудолюбивых, нашел? – насмешливо спросил Сашка.

– А в Боровске! – ответил второй из тех, кто были в беседке. – У нас там его все знают! Подошел к нам, когда мы бутылки сдавали, и предложил поработать на свежем воздухе. И даже сам сюда нас привез!

– Ну, мы и согласились! – продолжил тот, что недавно пытался побриться. – Летом-то в городе разве жизнь? Пыль одна да асфальт! А здесь красота! Воздух чистый! Озеро есть, где вымыться можно! Душа радуется!

– Он нам и денег немного дал, – похвалился бомж, выкручивая свои носки опять-таки на посуду, от чего я даже застонала, но тут этот мерзавец их еще и понюхал, а потом восхищенно сказал: – А пахнут-то как!словно одеколон!

– Оставь мыло в покое, эстет чертов! – заорала я, хотя он его уже давно положил на место, просто я все еще никак не могла отойти от шока – это же надо! Стирать носки французским мылом!

– А потом еще заплатить обещал, – раздалось со стороны беседки. – Только насчет жилья мы с ним не договаривались, вот и присмотрели себе...

– А теперь будете присматривать в другом месте! – жестко сказал Сашка. – И глядите! Я вас предупредил!

Под его тяжелым взглядом, а муж у меня, когда надо, может так посмотреть, что мало не покажется, бомжи шустро собрали свои манатки и скрылись из виду. Правда, как потом оказалось, перебазировались они совсем недалеко, в лесок, что совсем рядом с нами, где и устроили себе на деревьях некое подобие гамаков. Когда они ушли с нашего участка, Сашка выразительно посмотрел на меня, но ничего не сказал, хотя в его взгляде ясно читалось: «А ведь я тебя предупреждал!» Счастье великое, что он промолчал, потому что я была на взводе и в ответ на такое замечание устроила бы ему страшный скандал – какая же женщина способна признаться в том, что сморозила глупость?

Завтрак прошел в тягостном молчании, причем ели мы на веранде, потому что беседку предстояло после нашествия этих незваных посетителей еще как следует отмыть и продезинфицировать – мало ли какая зараза у них водится, да и вшей с блохами и клопами тоже исключать было нельзя – хорошо еще, что на даче у нас есть химикаты и опрыскиватель. Привлечь к этой работе Сашку мне было стыдно – ведь это я, поддавшись на уговоры Артамоновой и Крякова, подписала этот, будь он не ладен, протокол о намерениях, а значит, сама и поспособствовала появлению столь наглых бомжей. Но муж, надо отдать ему должное, ничем не попрекнул меня, а сам взялся за эту довольно тяжелую работу, а я занялась посудой, которую решила не только хорошенько отмыть, но еще и прокипятить от греха подальше.

Покончив с посудой, я вышла в сад, чтобы присоединиться к мужу и помочь ему. Работая, мы невольно видели, как бомжи сновали по поселку и честно отрабатывали полученные от Крякова деньги, собирая мусор в большие черные мешки и оттаскивая их в сторону леса. И тут с той стороны повеяло такой едкой вонью от горящего пластика, что невозможно было дышать, а за запахом последовал и страшный черный дым, который, как грозовая туча, напал на наш поселок.

– Неужели они собираются сжечь там весь мусор? – в ужасе спросила я.

– А ты что, рассчитывала, что они его в город повезут? – хмыкнул муж.

– Но неужели ничего нельзя сделать? – чуть не плакала я.

– Пойду посмотрю, – сказал Сашка и ушел.

Я же, сцепив зубы, продолжала поливать беседку дезинфицирующей жидкостью, запах которой мне всегда был неприятен, но сейчас воспринимался как хорошие духи – как говорится, все познается в сравнении.

– Они развели костер за забором нашего поселка, – сообщил, вернувшись, муж. – То есть на оккупированной врагом территории. Сделать ничего нельзя – ведь общее собрание решило отдать ее Крякову в пользование, так что сейчас он там хозяин.

– Чтоб ему, паразиту, самому этим воздухом дышать! Причем всю оставшуюся жизнь! – не сдержалась я.

Сашка опять-таки ничего не сказал, а забрал у меня опрыскиватель и принялся поливать беседку.

– Добрый день! – раздался вдруг из-за забора голос Максима Парамонова, которого мы с мужем звали между собой Мажор за его вечно веселый, частенько и без всякой видимой причины, вид. – Чем это так воняет? Вашими химикатами?

– Нет, Максим! – вздохнула я. – То есть химикатами, но не нашими. Это горит пластик!

– У кого-то пожар? – встревожился он.

– Да нет! Это бомжи мусор жгут, – объяснил ему Сашка.

– Это еще что за новость? – удивился он.

– Так ты ничего не знаешь? – воскликнула я, и мы с мужем на два голоса быстро ввели Мажора в курс дела, а потом я сказала: – Если этот дым и перспектива постоянного соседства с бомжами тебя беспокоят так же, как и нас, то давай вместе думать, как нам противостоять этому произволу.

– Искренне сочувствую вам, но лично мне это по барабану, потому что я сюда ненадолго за вещами заехал, – объяснил он. – Я со своей девушкой собираюсь все лето на курорте провести, так что ничем помочь не могу!

Развернувшись, он пошел к себе на дачу, а мы с мужем удивленно переглянулись.

– Интересно, откуда он деньги на курорт взял? – недоуменно спросила я. – Отец ему дать не мог, это как пить дать!

– Да уж! Иван Александрович на это точно не раскошелится бы! – согласился со мной Сашка. – Он же Мажора в черном теле держит...

– Причем совершенно заслуженно! – добавила я. – Тот еще фрукт!

– Знаешь, Маруся, а ведь курорты бывают разные, – подумав, сказал Сашка. – Это же не обязательно Турция или Египет! И даже, может быть, не Сочи! Вдруг они решили дикарями где-нибудь на Азовском море в палатке пожить? Девушка-то у него, ты сама видела, явно не из крутой семьи и ко всяким излишествам не приучена.

– А что? Вполне может быть! – согласилась я. – Наверное, он просто захотел сбежать от всевидящего ока своего отца и покуролесить на свободе.

Мы вернулись к своей работе и через некоторое время увидели, как Мажор, загрузив свой «Форд» сумками и коробками, сел в машину и уехал.

Глава 4. САША. СОМНИТЕЛЬНЫЕ БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ближе к вечеру грохот от стройки стих, а потом я, сходяв на разведку, выяснил, что ни техники, ни рабочих больше не видно – они закончили свое черное дело и уехали, оставив после себя, кроме забора и прочего благоустройства, варварски испоганенный лес, в котором лично мне больше совсем не хотелось гулять, чтобы не расстраиваться. Выслушав эту новость, Маруся облегченно вздохнула и сказала:

– Слава богу! Наконец-то наступит тишина!

– Как когда-то волхвы сказали Ивану Грозному, еще не вечер, – заметил я.

– Это в каком смысле? – насторожилась она.

– В том самом, что неизвестно, что нас еще ждет в будущем, – мрачно ответил я.

– Дорогой, а ты не замечаешь за собой, что постепенно превращаешься в зануду? – приторно-сладким голосом спросила Маруся. – Все бурчишь и бурчишь, как старый дед! Стройка закончилась! Теперь нам ничего не грозит!

– Твои бы слова да Богу в уши! – вздохнул я.

– Ну, знаешь! Ты всегда!.. – возмутилась она, но, к счастью, не смогла продолжить свой гневный монолог, потому что принялась и обеспокоенно спросила: – Ты ничего не чувствуешь? Вроде горит что-то?

– Бомжи! – кратко, но исчерпывающе ответил я.

– Но они ведь уже сожгли весь мусор, – возразила она.

– Как видишь, нет! Наверное, оставили часть его про запас, – объяснил я.

– Но зачем? – удивилась она, и я просто пожал плечами – не знаю, мол.

Ответ мы получили буквально через несколько минут, когда на наш участок, даже не постучав для приличия в калитку, вошел один из уже знакомых нам бомжей и попросил:

– У вас лаврушечки не найдется?

– Во-первых, я уже сказал всем вам, чтобы вашего духу тут не было, во-вторых, стучать надо, перед тем как войти, – тебя ведь могут и не пустить, а в-третьих, на кой черт тебе лавровый лист? – неласково спросил я.

– Так мы же живые люди и есть хотим. Нас Кряков на все лето нанял, вот мы себе быт понемногу и обустроили. В мусоре и кастрюльку нашли, и еще кое-что из посуды. Вот и решили себе на костерке ужин сварганить, – спокойно объяснил тот.

– А костерок-то из мусора сварганили? – поинтересовался я.

– А из чего же еще? – удивился бомж.

– Вот тебе и ответ, зачем они часть мусора оставили про запас, – повернулся я к жене, а бомжу сказал: – Потравитесь же, идиоты!

– Ничего! Мы привычные! – отмахнулся тот и снова спросил: – Так как насчет лаврушечки-то?

– Шел бы ты отсюда! – начал было я, но Маруся вдруг сказала:

– Сейчас вынесу!

Я удивленно уставился на нее, а она действительно вынесла бомжу несколько листков.

– Вот спасибо тебе, добрая женщина! – обрадовался тот и тут же попросил: – А кофейком растворимым не поделитесь?

– Не наглей! – рявкнул я.

– Ну, нет так нет! – пожал плечами тот. – Я еще у кого-нибудь попрошу!

– Почему же? Дам! – сказала Маруся, и я просто онемел.

Она вынесла бомжу пакеты кофе «3 в 1», которые с незапамятных времен валялись у нас в шкафчике, и, отдавая, сказала:

– По мелочи можете у нас одалживаться, но при условии: на нашу дачу больше не покушаться, и еще... Сегодня ладно, но перенесите ваш костер куда-нибудь подальше, чтобы дым и вонь от него до нашего участка не доходили, а то просто дышать нечем!

– Куда же мы его перенесем? – удивился бомж. – Мы же специально это место выбрали, чтобы мешки далеко не таскать.

– Ну, тогда вы по-прежнему будете собирать весь мусор в мешки, а мой муж на нашей машине будет отвозить их к контейнерам, – предложила Маруся.

– А мы чё? Мы запросто! – обрадовался бомж и убежал делиться этой потрясающей новостью со своими «коллегами».

– Маруся! Ты обалдела? – потрясенно спросил я. – Ты чего их приваживаешь? От них же потом не отделаешься!

– Саша! А ты что, не слышал, что их на все лето сюда привезли? – возразила она. – Так что с ними лучше жить в мире, а то они ведь могут и урожай мой в лучшем случае ополовинить, и в дом забраться, а то и поджечь из вредности. Лучше уж так! Не пообедем!

Определенный смысл в ее словах был, и я не стал возражать, но счел нужным сообщить ей неутешительную новость:

– Дорогая, о своем урожае ты можешь навсегда забыть!

– Это еще почему? – удивилась она.

– А потому, Маруся, что дым от горевшего пластика осел на твои посевы и впитался в них! Если же ты будешь поливать свои овощи и прочее, то отравы с них опять-таки попадет в почву и будет впитываться растениями, превращая их в яд!

– Ты серьезно? – в ужасе спросила она.

– Более чем! – подтвердил я. – Или ты забыла, что я все-таки эколог?

– Неужели от одного раза могут быть такие тяжкие последствия? – не поверила она мне.

– Если ты собираешься использовать меня в качестве подопытного кролика и проверить, умру я или нет, отдавая эту, – я кивнул в сторону грядки, – зелень, то я категорически возражаю! Я еще жить хочу!

Жена страшно расстроилась – она очень любила копаться в грядках, а потом солить, мариновать и закручивать, в результате чего получаются очень вкусные кушанья, и, лишая себя этого удовольствия, она испытывала страшные муки, которые я не мог с ней разделить, потому что сам ненавижу возиться в земле (ежегодное копанье огорода не в счет).

Через некоторое время ветер сменил направление, и от недавно установленного и призывно светившегося разноцветными лампочками летнего кафе потянуло ароматом шашлыков и специй. Запах был весьма привлекательным, и я предложил:

– Маруся! А пошли продегустируем, чем там в кафе кормят! Посидим в культурной обстановке, отдохнем! Тебе потом даже посуду мыть не придется!

– Пошли! – согласилась жена. – Раз уж цивилизация неожиданно-негаданно свалилась нам на голову, следует вкусить от ее плодов. Посмотрим, что там творится.

И вот, переодевшись, мы отправились в кафе. С виду это заведение культурного общепита под неожиданным названием «Сайгон» выглядело весьма привлекательно: небольшой щитовой домик, вероятно, служил кухней, потому что именно из его открытых окон и исходили очень вкусные гастрономические запахи, а вплотную к нему под плотным тентом с неприменной рекламой пива стояли покрытые чистыми бумажными скатертями пластиковые столы и такие же стулья. В центре каждого стола красовалась небольшая вазочка с живыми полевыми цветами – все ясно, нарвали неподалеку, – салфеточница, одним словом, вид был самый цивилизованный. Подойдя поближе, мы поняли, почему кафе так называли: там работали исключительно вьетнамцы. Приветливые, улыбчивые и опрятно одетые, они очень обрадовались

нашему появлению, потому что мы оказались их первыми посетителями. Мы сели за столик, и около нас тут же, словно из-под земли, вырос невысокий молодой вьетнамец, почти мальчишка, в белоснежной рубашке, который поставил на стол разноцветный бумажный китайский фонарик и зажег в нем свечку, от чего стало намного уютнее. Просмотрев меню, мы увидели, что цены здесь очень невысокие, и заказали шашлык и вино. Парнишка убежал, а мы, оглядываясь по сторонам, обменялись мнениями.

– Как хорошо, что ты решил меня сюда позвать, – довольным тоном говорила жена. – Здесь очень мило, и можно будет часто ходить сюда. А главное, что держат это кафе вьетнамцы!

– Почему же это главное? – удивился я.

– Может быть, это непатриотично, но, если бы тут работали славяне, нам бы пришлось ждать долго, терпеть грубость официантов и вообще, здесь не было бы так приятно сидеть. А азиаты – прирожденные торговцы и знают не только как привлечь публику, но и как ее не потерять. Они обходительные, вежливые, услужливые! Надо будет им непременно на чай оставить!

– Посмотрим еще, как здесь кормят, – остудил я ее восторженное состояние.

Тут мы обратили внимание на то, что обслуживающего персонала в этом кафе явно гораздо больше, чем требуется, – человек двадцать вьетнамцев, несмотря на то что было уже довольно темно, споро перекапывали заросшую кустами и травой землю неподалеку от кафе, работая без усталости, как муравьи.

– Что это они собираются тут делать? – озадаченно спросила Маруся.

– А ты что, забыла, как твой отец рассказывал, что во время перестройки дачникам выделили по паре соток земли «на отшибе», чтобы они могли сажать там что-нибудь? Картофель, например, – напомнил я. – В то время это было хорошим подспорьем.

– Точно! – покивала она. – Нам тогда тоже дали, но потом, когда жизнь немного наладилась, мы эту делянку забросили.

– Как и большинство других людей, – добавил я.

Тут к нам подошел официант, который принес наш заказ, и я спросил у него, кивая в сторону согнутых спин:

– Что там происходит?

– Мы хотим тут огород делать, чтобы свою зелень иметь, – объяснил он. – Это будет дешевле, чем покупать, как сейчас. Нам ваш председатель разрешил, потому что земля все равно пустует и ею никто не пользуется.

– Но откуда вы узнали, что здесь когда-то уже были огороды? – удивилась Маруся.

И вместо официанта ей ответил я:

– Дорогая! Корейцы, вьетнамцы, китайцы – отличные огородники!

– Спасибо за добрые слова! – расплылся в улыбке официант. – Мы действительно всегда можем понять, какая земля хорошая, а какая – нет! – И разлил по бокалам вино. – Желаю вам приятно провести время в нашем кафе! – пожелал он и отошел.

Обильно украшенный зеленью шашлык выглядел очень аппетитно, но мы, хоть и проголодались изрядно, решили для начала попробовать вино. Немного отпив, мы прислушались к своим ощущениям и, переглянувшись, решили, что оно очень неплохое. Только мы было решили приняться за мясо, как в кафе появился Афонин и с ходу, не дожидаясь, когда к нему подойдет официант, крикнул в сторону кухни:

– Мне бокал пива! – и тут же уточнил: – Самого дешевого!

Он сел за соседний с нами столик и, неодобрительно поглядев на наши тарелки, как бы в сторону, но очень многозначительно заметил:

– Странно! Еще вчера по поселку целая стая бездомных собак бегала, а сегодня я ни одной не видел! И куда они могли подеваться? – и выразительно посмотрел на направлявшегося к нему с его заказом официанта.

Парнишка мгновенно перестал выглядеть приветливым и улыбочным, его лицо помрачнело, и видно было, что ему есть что сказать на это, но он сдерживался. Он поставил бокал с пивом на столик перед Виктором Петровичем и собрался было уходить, когда Афонин продолжил свой монолог.

– А вот когда я на Дальнем Востоке служил, видел этих «огородников», – презрительно выговорил он – вероятно, Виктор Петрович услышал часть нашего разговора с официантом, вот и решил внести некоторую ясность в этот вопрос. – Все местные корейцы не только собак ели, но еще и дрались за право бесплатно солдатские туалеты вычерпать. А потом все это дерьмо прямо на свои огороды и выливали. Удобрляли их, видите ли! Так у нас в части никто их зелень никогда не покупал, и они ее в город возили!

– Простите, но мы не корейцы! Мы вьетнамцы! Мы собак не едим! – изо всех сил стараясь быть вежливым, осторожно заметил официант.

– Вьетнамцы! Корейцы! Японцы! Китайцы! Какая разница? Один черт – узкоплеченные! – совершенно не политкорректно отмахнулся от него Афонин.

Мы с женой переглянулись и с большим подозрением уставились на свой шашлык, но тут к воротам нашего кооператива, то есть уже миновав новые, подъехал огромный джип, а из него гремел оглушающий рэп, который современная молодежь ошибочно принимает за музыку. Посмотрев на номер, я очень удивился, потому что машина была не из наших поселковых, которых я всех знаю, а явно принадлежала какому-то немалому милиционеру чину.

– Чудны дела твои, Господи! – пробормотал я. – И кто же это у нас в кооперативе такими крутыми знакомыми обзавелся? Причем настолько близкими, что они к нему на дачу на ночь глядя приезжают!

Джип посигналил, и из сторожки вышел Юрич. Сверившись со списком, он открыл ворота и пропустил машину. Ну, ничего страшного, решил я, значит, все это делается с ведома нашего председателя, который этот порядок и установил.

– Что будем делать? – шепотом спросила меня жена и этим оторвала от моих размышлений. – Мне совсем не хочется не то что есть, а даже пробовать собачатину!

– Значит, допьем вино и пойдем домой, потому что я тоже не склонен рисковать, – ответил я.

Увидев, что мы поднимаемся, даже не притронувшись к мясу, официант бросился к нам и принялся увещевать:

– Поймите! Это не собака, это свинья! Мы и сами не едим собак и других этим кормить не будем!

– Да-да! Мы верим! – ответил ему я. – Только, знаете, аппетит как-то пропал!

И мы с Марусей направились домой, причем когда мы проходили мимо Афонина, он посмотрел на нас таким насмешливым взглядом, так ехидно улыбнулся, что я мысленно пообещал непременно ему это припомнить.

Глава 5. МАША. НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Возвращались мы на дачу голодными и расстроенными.

– Ничего себе, провели культурно время! – пробурчала я себе под нос, а потом спросила мужа: – Саша! Как ты думаешь, это действительно была собачатина?

Ответить он не успел, потому что мимо нас промчалась по своим ночным делам та самая стая бездомных собак, о судьбе которой так печалился Афонин.

– Как видишь, нет! – сказал Сашка, кивая подбородком им вслед. – Просто это Куркуль решил мне, видимо, отомстить за то, что я напомнил ему о том, как он сам подписал некий документ, из-за которого лишился возможности гулять в лесу со своей Заразой.

– И ведь сработал психологический фактор! – неприязненно сказала я. – После таких рассказов действительно кусок в горло не полезет! Только деньги зря потратили!

– Ничего! Отолется еще ему наш испорченный ужин, – зловеще пообещал муж.

– Интересно, кто это так шумно гуляет? – спросила я, переводя разговор на другую тему, потому что где-то действительно вовсю гремела музыка.

– А черт его знает! – пожал плечами Сашка.

Но по мере приближения к нашей даче звук становился все громче и громче, и, когда мы вошли на наш участок, он нас просто оглушил.

– Странно! – сказала я. – Мажора нет, а гремит с той стороны!

Тут к реву идиотского рэпа присоединился еще и пьяный хохот и визг девиц, которые даже перекрыли чудовищные децибелы. Мы переглянулись, и тут со стороны участка Богданова раздался голос Сергея Сергеевича:

– Да вашу мать! Вы выключите этот рев или нет?

В ответ он получил крайне непечатную тираду, произнесенную наглым мужским голосом, но в долгу не остался и обложил своего собеседника отборным матом, что вызвало только насмешливый хохот.

– Наверное, Мажор по какой-то причине вернулся! – догадалась я. – Видимо, он поссорился со своей девушкой и теперь заливает горе в компании бывлых друзей!

– Ладно! Потерпим! – отмахнулся муж. – К ночи он утихомирится!

– Да, обычно он не нарываяется на неприятности! – согласилась я. – Особенно с тех пор, как отец взялся за него вплотную.

Мы вошли в дом, и я начала на скорую руку готовить поздний ужин, решив ограничиться холодными закусками, потому что ни времени, ни желания затевать готовку у меня не было. Есть мы решили на застекленной веранде, поскольку дезинфицирующая жидкость еще окончательно не выветрилась и в беседке, пусть и продуваемой насквозь, весьма ощутимо пованивало.

– Странно! Что-то Мажор сегодня не на шутку разгулялся, – через некоторое время заметил Сашка. – Добрые люди в такое время уже спать ложатся, а он все шумит.

Я посмотрела на часы и удивилась – действительно, обычно к этому времени Мажор уже должен был выключить этот грохот.

– Послушай, может, он напился и заснул? – спросила я. – Тогда его шарманка еще долго будет грохотать. Пошли посмотрим, и если он на самом деле спит, то разбудим его.

– Пошли! – согласился муж. – А то ведь всю ночь не заснем.

Мы подошли к даче Мажора и удивленно застыли – на его участке было полно совершенно незнакомых людей: это были молодые парни с наглыми рожами и девицы такого легкомысленного вида, что их не иначе как с трассы сняли. Во дворе же стоял тот самый джип, который проезжал мимо нас, когда мы сидели в кафе.

– Молодые люди! – во весь голос крикнул Сашка, потому что иначе его не услышали бы. – Позовите Максима!

– Какого еще Максима? – отозвался высокий качок с самодовольной жлобской мордой молодого прожигателя жизни (вероятно, он тут верховодил), на руке у него висела пьяная девица, которую трудно было назвать иначе, как прошмандовкой.

– Хозяина этой дачи! – проорал муж.

– А теперь мы тут хозяева! – нагло и вызывающе ответила прошмандовка.

– Странно, но Максим ничего не говорил о том, что собирается продать дачу, – с подозрением сказал Сашка. – Но уж если вы ее купили и стали членами нашего кооператива, то не мешало бы вам подчиняться общим для всех дачников правилам.

– Да на хрена нам этот курятник! – расхохотался качок. – Мы его сняли на время!

– Максим ее вам сдал? – воскликнула я, уже прикидывая, что выскажу этому мерзавцу, когда он вернется.

– Не знаю я никакого Максима! – небрежно бросил качок.

– Кто же вам ее тогда сдал? – еще более подозрительно спросил Сашка. – Мне почему-то кажется, что вы ее самовольно заняли!

– Слушай, мужик! Ты мне надоел! – вызверился качок. – Катись отсюда, пока цел!

– Жека! Не связывайся ты с этим уродом! – попыталась остановить его прошмандовка и ответила вместо него: – Нам ее Кряков сдал!

– А он-то имеет к этому какое отношение? – обалдело переглянулись мы с мужем.

– А он ее у этого вашего... как его там?... Максима снял! – объяснила прошмандовка и выразительно сказала: – Вы нам мешаете отдыхать! Идите отсюда! А то когда Жека злой, он очень буйный!

– И лучше вам этого не проверять на деле! – небрежно бросил на это качок Жека и, потеряв к нам всякий интерес, повернулся к своим собратьям по разуму и громко крикнул: – Гуляем дальше!

– А вы не могли бы сделать потише свою музыку или даже выключить ее? – попросил Сашка. – Ночь же на дворе! Вокруг люди спят!

– Щас! – осклабился Жека. – Я этому Уткину...

– Крякову! – поправила его прошмандовка.

– Один хрен! Бабло за отдых отстегнул и могу теперь здесь делать все что хочу! – закончил качок.

Тут он стал куда-то вглядываться поверх наших голов, и мы, повернувшись туда вслед за ним, увидели, что это он заметил Юрича, который лез на столб, чтобы отсоединить электропровод, шедший к даче Мажора, – видимо, его кто-то об этом попросил, не иначе как Богданов, потому что он стоял внизу.

– Ну, ты! Чмо! – догадавшись о его намерениях, взревел Жека. – А ну слезай обратно! А то мы тебя по травке размажем! Ни один врач обратно не соберет!

Испуганный Юрич застыл на полпути, а потом начал осторожно спускаться и, достигнув земли, проворно скрылся в темноте.

– Выключайте свою громышалку, а то я сейчас милицию вызову! – раздался командирский голос Куркуля.

– Да пошел ты! – вызверилась на него прошмандовка.

– Вызывай! – расхохотался Жека. – Только сначала на это посмотри!

Качок подошел к джипу и распахнул дверцу, а потом достал оттуда и предъявил на всеобщее обозрение висевший на плечиках милицейский китель с полковничьими погонами.

– Мой папахен – крутой мент! В МУРе ишачит! Я ему сейчас позвоню, он приедет и построит вас здесь всех по стойке «смирно».

– Похоже на правду, – шепнул мне Сашка. – Номера действительно милицейские! Наверное, его отец просто забыл форму в машине.

Но Богданов решил так просто не сдаваться и заявил:

– Я сейчас охрану со своей фирмы вызову, и мы еще посмотрим, как вы после этого запоете!

– Давай! – охотно согласился Жека. – А я сейчас вызову ОМОН! Хочешь?

С этими словами он достал из кармана шорт свой мобильник и начал набирать какой-то номер.

– Бросьте, Сергей Сергеевич! – тихонько сказала я Богданову. – Этот мерзавец, судя по всему, действительно может это сделать!

– Как же он должен ненавидеть своего отца, чтобы так позорить его! – гневно пробормотал сквозь зубы Богданов.

Между тем «добры молодцы и красны девицы» перестали обращать на нас внимание и продолжили отрываться по полной, а мы стояли и в бессильной ярости смотрели на них, понимая, что ничего не сможем сделать, потому что силы были явно неравны, причем о рукопашной и говорить не приходилось – сила, молодость и количество были явно на стороне этих буйных, отвязных подонков.

– Я вот еще стройотряды застал, – негромко сказал Богданов. – Так местные парни в деревенском клубе на танцах вели себя приблизительно так же, как и эти обдолбанные отморозки. Тоже не стеснялись!

– Одно слово – безбашенные, – поддержал его Сашка.

– Мне кажется, они просто выпили лишнего, вот и разгулялись, – предположила я. – Не исключено, что наутро они протрезвеют, проснутся и будут еще прощения просить.

– Ты сама-то веришь в то, что говоришь? – хмыкнул муж.

– Нам остается только на это надеяться, – вынуждена была признать я.

Так ничего и не добившись, мы отправились по домам, а музыка продолжала греметь нам вслед, словно издеваясь над нами.

Вернувшись на дачу, мы с Сашкой грустно посмотрели на наш ужин и дружно вздохнули – день был испорчен окончательно. Вяло поковыряв в тарелках, мы собрались ложиться спать, и тут Сашка сказал:

– Извини, дорогая, но на трезвую голову я заснуть не смогу! – и достал бутылку водки, которую купил, как он сказал, в деревне еще в самом начале этого кошмара.

– Не скажу, чтобы я была в восторге от такого предложения, но ты во всем прав, – покаянно сказала я.

– В чем «во всем»? – открывая водку, спросил муж.

– И в том, что выпить остро необходимо, и в том, что ты сказал тогда: «Еще не вечер», – объяснила я. – Эх, знать бы заранее, чем закончится затея этого проклятого Крякова!

– А ведь я тебя предупреждал! – не выдержав все-таки, сказал муж, и мне нечего было ему на это ответить.

Хорошо приложившись к бутылке, мы легли спать, но, даже выпивши, заснули не сразу.

Глава 6. САША. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД НАМИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Сон у меня очень чуткий, так что за ночь я не раз вставал, чтобы приложиться к бутылке и хоть так немного поспать. Естественно, я смотрел на часы и выяснил, что треклятая музыка стихла только где-то около пяти часов утра. На следующий день я проснулся довольно поздно – было уже одиннадцать часов, но первым, потому что Маруся еще спала. Голова болела страшно: тут и выпитое сказалось, и грохот рэпа, помноженный на крики и визг без устали веселившихся новоявленных соседей, которых нам не иначе как за грехи наши Кряков подсунил, будь он неладен вкупе с тупоумными дачниками, позарившимися на дармовщинку, и мерзавцем Мажором, сдавшим ему дачу.

Наскоро одевшись, я решил при свете дня выяснить диспозицию сил противника, чтобы попытаться выработать план, как с ним бороться. Потихоньку подходя к забору, я спрятался за деревом и стал наблюдать. Увиденное меня не порадовало: то, что успела посадить девушка Мажора, было вытоптано так, словно там танцевало стадо слонов, ну да черт с ними, с этими насаждениями! Пусть у Мажора об этом голова болит! А вот то, что колонки от музыкального центра были выставлены в открытые окна второго этажа, волновало меня куда больше – теперь стало понятно, почему музыка звучала так оглушающе громко.

Рассмотрев все как следует и решив, что единственный путь хоть немного сносного существования рядом с этими мерзавцами заключался в том, что нам с женой необходимо будет перейти на тот же режим дня, что и они, то есть ложиться спать и просыпаться одновременно с ними, я собрался было уже вернуться домой, как вдруг увидел, что к калитке оккупированной противником дачи приближался наш участковый.

Человек он был справедливый, временами неплохой, хотя и с тяжелым характером, и особо ни к кому не придирался. Но случалось, что на него находило, и тогда он становился излишне подозрительным и с ним было трудно ладить. Оно и понятно: работа сволочная, хлопот полон рот, а жалованье так себе, в полном соответствии с лейтенантским званием. Сейчас же я смотрел на этого человека как на посланца небес, в надежде, что он сможет как-то урегулировать сложившуюся ситуацию, хотя, откровенно говоря, не слишком-то в это верил.

Милиционер вошел во двор и, поднявшись на крыльцо, начал стучать в дверь. Довольно долго ему никто не открывал, а потом наконец-то появился в одних трусах, но с непременным мобильником в руке заспанный и взлохмаченный качок Жека и с ходу начал наезжать на участкового.

– Ты какого черта в такую рань приперся? Какого хрена тебе надо?

– Во-первых, здравствуйте, – начал участковый. – А во-вторых, поступил сигнал, что вы и ваша компания грубо нарушали общественный покой дачников. Нехорошо, молодой человек! Людей и их право на отдых надо уважать!

– А вот я тебе сейчас дам поговорить с одним человеком, и ты, ментяра, узнаешь, кого здесь надо уважать, – угрожающе заявил Жека и, произнося вслух цифры, начал набирать на телефоне какой-то номер.

Я посмотрел на участкового и, судя по его вытянувшемуся лицу, понял, что этот номер ему знаком.

– Николай Петрович! – начал свой разговор Жека. – Извини, что так рано беспокою, но тут один твой лейтенантик вздумал права качать! Самодеятельностью, понимаешь, занялся! Ты ему объясни, как себя вести надо! – Тут он сунул телефон участковому и сказал: – На! Не хотел меня слушать, так подполковника Егорова послушай!

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – поприветствовал своего собеседника милиционер, но больше ничего сказать не успел, а только довольно долго слушал, стоя по стойке «смирно», а потом начал, как заведенный, повторять: – Есть, товарищ подполковник! Так точно, товарищ подполковник! Будет сделано, товарищ подполковник!

– Ну? Доволен, ментяра? – торжествующе сказал Жека. – Будешь теперь знать свое место! А то приперся! Разбудил! Еще раз сунешься – я папахена своего напрягу, и он тебя вообще без погон оставит! Он у меня полкаш в МУРе!

– Извините! – только и смог выговорить багровый участковый и, отдав этому мерзавцу честь, вышел со двора.

Я быстро пробежал через наш участок и встретил милиционера, когда он, вытирая обильно струившийся по его лицу пот и цедя сквозь зубы под нос явно что-то непечатное, собирался вернуться в Салтыковку, где и был его пункт.

– Здравствуйте! – сказал я. – Видел я, что произошло, и искренне сочувствую вам. Этот подонок вам в сыновья годится, а вел себя как последняя сволочь.

– Да уж! Нахлебался я унижений! – пробурчал он.

– Зайдите к нам! – пригласил я. – Посидите, чаю или кофе попьете и успокоитесь хоть немного.

– Спасибо! – сказал участковый. – Мне действительно не мешает дух перевести.

Мы с ним прошли к нам, и я, оставив его в беседке, чтобы не потревожить жену, наскоро сделал кофе и отнес его туда.

– Нет! Ну, какой наглец! – возмущался участковый, куря одну сигарету за другой. – Да и вообще, что за времена пошли? Раньше бы за такого сыночка его отца на партсобрании так пропесочили, что мало не показалось бы, а сейчас что? Полная безнаказанность! Меня, защитника правопорядка, ставят по струнке за то, что я этот самый порядок и охраняю!

– Боюсь, это только начало, – заметил я. – Слышали бы вы, как этот негодяй с нами вчера разговаривал!

– Откуда они вообще здесь взялись, эти отморозки? – спросил милиционер.

– Кряков постарался! – сказал, как плюнул, я. – Он у Парамонова-младшего дачу снял и этим придуркам сдал! А вы вообще в курсе, что у нас здесь творится?

– Наслышан, – покивал он. – Так ведь с общего согласия членов кооператива тут этот проходимец устроился!

– А никак нельзя на этого Крякова надавить, чтобы хоть он своих клиентов приструнил? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами участковый. – Это личность темная, грешки за ним водятся немалые, только доказать пока мы ничего не смогли. Но если вдруг какие-нибудь факты или улики обнаружатся, то сядет он как миленький!

Я быстро сгонял в дом и вернулся с визиткой, где был указан номер сотового телефона.

– Сейчас я ему вставлю пистон за то, что он таких уродов к добропорядочным гражданам подселил, – зловеще пообещал он.

Но из нашей затеи ничего не вышло, потому что в ответ мы раз за разом получали только одно: абонент вне зоны доступа.

– Ну, спасибо за кофе, пойду я, – сказал, поднимаясь, участковый.

– Да посидите еще, отдохните, – сочувственно предложил я.

– Нет! Пора! – покачал головой он, и тут...

Тут нам по ушам со страшной силой снова ударили децибелы рэпа.

– Господи! Да как же вы здесь живете? – не выдержав, воскликнул милиционер.

– Да разве это жизнь? – в свою очередь, спросил я.

Я пошел проводить милиционера до калитки и через забор увидел, как Куркуль выходил из своего дома, правда, за кустами возвышалась только его голова. Хотя я был зол на него за

вчерашнее, но все-таки кивнул ему в знак приветствия, но он этого, наверное, не заметил и скрылся из виду.

– Ну, Александр! Звоните, если чего, – сказал участковый, протягивая мне руку.

– А толку? – безнадежно спросил я.

– Так, может, еще чего случится, – неопределенно сказал он.

– Не накаркайте! – быстро попросил его я, хотя и понимал, что говори не говори, а неприятностей нам не избежать.

И тут со стороны дачи Мажора раздался звук выстрела.

– Из охотничьего жаканом жажнули! Это точно! – с ходу определил милиционер.

– Это разрывной патрон на крупную дичь? – уточнил я.

– Да! – кивнул он.

– Неужели они затеяли перестрелку и кого-то из этой теплой компании грохнули? – с затаенной радостью спросил я. – Может, они после этого отсюда съедут?

– Надо разобраться! – сказал милиционер, и мы с ним побежали к даче Мажора.

Но все оказалось совсем по-другому: из людей, хотя называть этих подонков людьми – явное преувеличение, никто не пострадал, зато стоявшая в окне одна из колонок музыкального центра была разбита вдребезги. На земле же валялось ружье с разбитым прикладом, а чуть подальше молодые садисты во главе с Жекой, яростно матерясь, с энтузиазмом били ногами Куркуля.

– Они же его насмерть забьют! – в ужасе крикнул я.

– Немедленно прекратите! – заорал участковый и, достав пистолет, выстрелил в воздух.

Отморозки прыснули в разные стороны, а я бросился к Афониному и помог ему подняться. Он стоял с разбитым лицом, опираясь на мою руку, и, сплюнув кровь, сказал:

– Достали, сволочи!

Поняв, что никто по ним стрелять не будет, эти гады вернулись обратно, а Жека даже повелительно крикнул участковому:

– Эй, ментяра! Иди сюда! Поработай по прямой специальности! Мы тут хотим написать заяву, что эта гнида покушалась на убийство! Диктуй давай, как ее составлять! Она будет от моего имени, а остальные подпишут ее как свидетели!

– Еще как подпишем! – хором подхватили эти мерзавцы, а прошмандовка даже заявила:

– Я хочу отдельное заявление написать, что этот сумасшедший целился именно в меня!

Хотя участковый и пошел пятнами, но я понял, что толку от него не будет, и взял бразды правления в свои руки. Афонин, конечно, человек своеобразный и периодически доставлял нам немало хлопот, но ведь добра мы от него видели немало, так что надо было его спасать.

– Вы, девушка, немного неправильно выразились, – мягко сказал я прошмандовке. – Виктор Петрович, который, между прочим, гвардии подполковник в отставке, совсем не сумасшедший. Он ушел из армии по состоянию здоровья, когда был контужен во время учений. Так что заявление вы, конечно, написать можете, но... – Я развел руками. – Вряд ли вы этим чего-нибудь добьетесь, потому что суд признает его недееспособным и освободит от ответственности за свои поступки, которые, что суд тоже примет во внимание, были вами спровоцированы.

– Так он что, псих, что ли? – с испугом глядя на Афониного, спросила прошмандовка.

– Ну что вы! – воскликнул я. – Иначе бы он находился в соответствующем учреждении, но при определенных обстоятельствах он не в силах контролировать свои эмоции.

– А теперь пусть контролирует! – нагло заявил Жека. – А то мой папахен его миглом в «дурку» упрячет! На этот раз, так и быть, я его прощаю, но больше чтоб не выступал! И еще пусть новую колонку оплатит!

Услышав о том, что ему после всех над ним издевательств и побоев еще и раскошелиться придется, Куркуль дернулся было, но я жестко взял его за руку и вместо него пообещал:

– Он оплатит!

– То-то же! – довольно заявил Жека. – А остальным старым пердунам пусть наука будет, чтобы не мешали нам, молодым, отдыхать как нам хочется! Как говорится, за все заплачено!

– И долго вы еще здесь гулять собираетесь? – раздался вдруг у меня за спиной голос неслышно и незаметно подошедшей Маруси. – Вы уж нас предупредите заранее, чтобы мы знали, сколько это продлится. Кое-кто вполне может захотеть уехать в город и прожить это время там.

– А мы еще не решили! – ответил Жека. – Если понравится, то до конца лета здесь останемся! А что в Москве делать? Жара! Клубняки надоели! На улицах толпы уродов! А главное, я дома крутой ремонт затеял, вот и надо где-то перекантоваться! – небрежно бросил он.

Что-то не то проскользнуло в его интонации, и я, внимательно посмотрев на него, понял, что возвращаться в Москву ему не хочется по каким-то совершенно иным причинам. Жека же, поймав мой взгляд, внезапно рассвирепел и нагло заявил:

– Короче! Сколько надо, столько и будем здесь отдыхать! А если будете мешать, то мы этого старого хрыча тут же посадим! Пусть не в колонию, так в психушку! А теперь валите отсюда!

Мы все дружно переглянулись и, решив не обострять отношения, отправились по домам, причем Куркуль успел прихватить и свое ружье. Я довел охающего Афонины до его калитки, и он прочувственно сказал мне:

– Спасибо, Саня! Если бы не ты, то еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

– Да ладно вам, Виктор Петрович! – отмахнулся я. – Мы же соседи и должны сплотиться перед общей бедой! Только вы уж больше не нарывайтесь! Да, впрочем, вам теперь и не из чего стрелять.

– Это как сказать, Саня! – криво усмехнулся он своим разбитым ртом и тут же поморщился от боли. – Приклад-то новый сделать недолго!

– И все-таки будьте поосторожнее! – попросил я.

– Да уж больше так глупо не попадусь, – пообещал он и, помедлив, сказал: – Ты меня извини за вчерашнее, Саня! Испортил я тебе с Машей вечер! Разозлился я просто, что ты меня мордой в мое же собственное дерьмо ткнул, а ведь за дело! Эх, и чего мы тогда тебя не послушали? Ты ведь предупреждал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и оказался прав!

– Чего уж теперь? – вздохнул я. – Сделанного не воротишь!

Вернувшись на дачу, я сказал удрученно сидевшей перед чашкой кофе жене:

– Да, Маруся! Влипли мы все!

– Да уж! Жить по соседству с такими отъявленными эгоистами и подонками – это то же самое, что ехать в одном купе из Владивостока в Москву в обществе бабки с козой, цыганки с детьми и пьяного дембеля, – сокрушенно вздохнула она.

– Зато у тебя теперь будет бесценный опыт – вдруг тебе закажут сценарий, как людям отдых испортить, так тебе и придумывать ничего не придется! – попытался приободрить я ее.

Дело в том, что моя жена по профессии режиссер-постановщик массовых мероприятий, но работа это сезонная и на ней много не заработаешь, вот она и создала свою фирму по розыгрышам, организации корпоративных вечеринок и тому подобного. Как ни странно это покажется вменяемому человеку, но находилось немало желающих устроить своему другу или коллеге какой-нибудь бандитский налет со стрельбой, похищение инопланетянами и все в этом духе, так что фирма Маруси не то чтобы совсем уж процветала, но и жаловаться на отсутствие клиентов тоже не приходилось.

– Знаешь, Саша, – задумчиво сказала она. – Даже если такой заказ поступит, то я за него не возьмусь. Я теперь на собственной шкуре испытала, что это такое, и никому этого не пожелаю! Даже в шутку!

Глава 7. МАША. АД КРОМЕШНЫЙ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ДАЧНОМ КООПЕРАТИВЕ

Прошло всего несколько дней, а обстановка в нашем дачном поселке сложилась такая, что хоть в город возвращайся. Некогда райский уголок, где можно было отдохнуть душой и телом от суетной Москвы и трудов праведных, превратился в филиал сумасшедшего дома, где отнюдь не мирно соседствовали буйнопомешанные и тихие психи. К первым относились наши неутомонные соседи: качок и его развеселая компания, которые почти до утра гоняли такую, с позволения сказать, «музыку», что половина дачников, те, что здоровьем послабее, вповалку лежали с приступами дикой головной боли и гипертоническими кризами, а ко вторым – мы, несчастные жертвы алчности Мажора. Узнав от нас с мужем о том, что это он сдал свою дачу Крякову, который и подсуропил нам этих подонков, а сам Мажор где-то на курорте пузо греет, люди обозлились на него так, что лучше бы ему больше никогда в поселке не показываться – линчуют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.